

À mon petit ange.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сложно переоценить влияние открытий Фрейда, которые изменили облик культуры и науки всего двадцатого века. Однако, если отказаться от общекультурных обобщений, интересно проследить влияние психоанализа на отдельно взятую нацию: какие положительные, какие негативные стороны дисциплина о бессознательном сумела обнажить в том или ином случае. Это касается и Восточной Европы, где психоанализ все еще окончательно не утвердился и где, пожалуй, психоанализу еще предстоит совершить свои собственные великие открытия в будущем, учитывая тот интеллектуальный потенциал, который имеется на постсоветском пространстве.

Тем более важной кажется нам возможность говорить об опыте французских аналитиков, чей авторитет и влияние на мировую психоаналитическую мысль сложно переоценить. Французский психоанализ, «французская психоаналитическая школа» до сегодняшнего дня остается одной из наиболее востребованных среди специалистов и интеллектуалов. Тем удивительнее, что фундаментального исследования на эту тему все еще не было написано, да и с переводами уже существующей иностранной литературы (как и с доступом к ней) есть некоторые сложности.

Книга, которую вы держите в руках, конечно же, не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим и фундаментальным исследованием. Ее главная задача, скорее, пробудить у читателей известный интерес к тем или иным персоналиям или теориям для дальнейшего самостоятельного ознакомления с ними и исследования. Не сомневаемся, что однажды мы сможем представить свой собственный, русскоязычный взгляд на проблему развития психоанализа как дома, так и в Европе, и в частности во Франции.

Ну а пока постараемся приблизить этот момент кратким изложением истории психоанализа во Франции в лицах.

Незамысловатое название, которое сложно из-за кажущейся, на первый взгляд, простоты заподозрить в двойном смысле, выбрано не случайно и соответствует той методологии, которую диктует нам изучение истории психоанализа вообще. Еще сто лет тому назад в знаменитом «Очерке по истории психоанализа» Фрейд писал: «Не следует удивляться субъективному характеру предлагаемого очерка... и той роли, которая отведена в нем моей личности, потому что психоанализ — мое творение»¹. История психоанализа — это всегда история психоаналитиков, это всегда история чьего-либо творения; она отталкивается не от «объективного» — исторического развития государства, народа или политической системы; она берет свое начало как раз в субъективности автора и исследователя, субъективности теоретика и клинициста. Именно поэтому мы выбрали для себя такой путь — рассказать о специфике, особенностях психоанализа во Франции через судьбы различных людей, связавших с ним свою жизнь.

Есть еще и другая причина. О ней пишет, например, Ален де Мижолла: «Нельзя забывать о пристрастии французов к харизматическим личностям, умеющим соблазнять либо своим словом, либо окружающей роскошью, либо героическими идентификациями, которые они вызывают»². Действительно ли это специфическая черта именно французского менталитета, судить сложно. Скажем лишь то, что в девятнадцатом — двадцатом веках мало какой крупный европейский народ избежал влияния «большой» харизматической фигуры, обещавшей своим сподвижникам наслаждение скорой победой. Однако в контексте психоанализа этот тезис однозначно справедлив: французский анализ выстроен не вокруг некой единой теоретической направленности,

¹ Фрейд З. Очерк истории психоанализа [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freyd/och_ist.php (дата обращения: 01.02.2021).

² Мижолла А. Некоторые особенности истории психоанализа во Франции [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://psychoanalysis.by/2019/04/19/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD-%D0%B4%D0%B5-%D0%BC%D0%B8%D0%B6%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B0-%D0%BD%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B5-%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1/> (дата обращения: 01.02.2021).

в отличие от английской или американской школ (которые представляют собой по крайней мере подобие теоретической целостности), а вокруг ярких и харизматических личностей, которых нам на территории постсоветского пространства явно недостает для того, чтобы психоанализ мог заявить о себе. Это еще одна причина, заставляющая нас говорить об истории психоанализа посредством личностей, его представляющих.

Приведенные ниже биографические очерки, конечно же, не исчерпывающи: главная их задача — рассказать о жизненном пути и теоретических воззрениях героев нашей книги. Эти очерки представляют скорее «введение», после которого заинтересовавшемуся читателю будет проще начать ознакомление с теми или иными текстами и персоналиями более детально. Отметим, что целостных жизнеописаний многих из упомянутых в книге героев нет как на русском, так и на иностранных языках. Это упущение (в духе жанра), нам хорошо известное еще со времен античности (сравнение с Плутархом и Светонием нам бы очень польстило, пусть родство с такими мастерами и налагает на нас лишь дополнительную ответственность), в силу возможностей исправляем, хотя в нашу задачу и не входило дать максимально подробный теоретический и биографический комментарий, так как в таком случае каждому из указанных авторов следовало бы посвятить отдельный том, а то и несколько. Разумеется, мы рассчитываем на то, что такие исследования еще появятся, ведь современный русскоязычный читатель все еще довольно плохо знаком с «французской школой», а самобытность и оригинальность многих из них заслуживает всяческого внимания и изучения.

Центральная фигура, которая упоминается, пожалуй, во всех главах книги, — Жак Лакан. Это непреднамеренно и вполне оправданно: Лакан действительно был тем человеком, вокруг которого завязывались самые горячие политические, теоретические и даже личные конфликты и споры. Вполне справедливо его можно назвать лицом французского психоанализа, и стыдливо преуменьшать его роль мы не намерены. Однако, с другой стороны, мы старались, насколько это возможно, избежать «лаканоцентризма» в описании тех или иных событий, стараясь в необходимый момент встать на место его противников и показать их точку зрения. Таким образом, как нам кажется, была соблюдена справедливость в отношении всех героев этой книги, каких бы взглядов они не придерживались.

По каким критериям отбирались персонажи нашего повествования? Конечно же, был ряд «очевидных» претендентов, таких как Ф. Дольто или А. Грин, а в отношении остальных приходилось учитывать не только степень их влиятельности (которую сложно как-то верно измерить или оценить), но и наличие достаточного количества источников, биографических свидетельств, как русско-, так и англо-, и франкоязычных. Именно известная ограниченность в материалах позволяет нам заранее извиниться за возможные неточности и ошибки, которые могут быть найдены в книге, и рассчитывать на благосклонность читателя в дальнейшем.

Мы заканчиваем предисловие с надеждой, что эта книга не только послужит возможностью скоротать пару вечеров, но и вдохновит кого-то на изучение французского психоанализа более детально. Свои старания, труды и знания мы всецело отдаем читателю, себе же, как говорил Александр Македонский, оставляем надежды.

МАРИ БОНАПАРТ И АНЖЕЛО ЭШНАР

Для того чтобы понять причины, по которым психоанализ проник во Францию, преодолевая огромное сопротивление, следует вернуться на три десятилетия назад от выхода «Толкования сновидений», в жаркое лето 1870 года. Тогда примерно три миллиона солдат, французов и пруссаков, по обе стороны границы разворачивались в боевые порядки. Пылили сапоги пехотинцев, уставшие кавалерийские кони недовольно фыркали, скрипели пушки полевой артиллерии, патриотически настроенные местные жители провожали солдат. Так начиналась франко-прусская война.

Домой вернулись далеко не все из марширующих.

Французы совершили ряд ошибок. Менее чем за месяц с момента начала войны (19 июля) их армия понесла большие потери, проиграла несколько сражений и утратила инициативу. Впрочем, даже отступающее войско — это все равно войско, и прусские военачальники это прекрасно понимали и не давали противнику ни минуты передохнуть. К осени стало понятно, что положение критическое, — к войскам выехал лично император Наполеон III, племянник того самого Наполеона Бонапарта. Он был неплохим реформатором, политиком, но оказался посредственным полководцем. Первого сентября 1870 года состоялось сражение при Седане: прусские войска разбили французов и буквально загнали все еще большое войско в ловушку, заставив укрыться за стенами города. Ближе к вечеру, когда прусские пушки стали стрелять по городу, французы капитулировали. Сдался и император Наполеон. К сожалению, в историю он вошел лишь как последний французский монарх, к тому же бесславно проигравший войну.

Для Франции начались тяжелые времена. Тщетные попытки сопротивления, осада Парижа, прусская оккупация, восстание

Парижской коммуны 1871 года... и, конечно, унижительные условия мирного договора. Человеческие потери Франции составили семьсот пятьдесят тысяч человек (из них полмиллиона пленных); триста тысяч убитых гражданских, еще столько же французы потеряли, уступив Германии провинции Эльзас и Лотарингию (до войны там жили полтора миллиона человек). Но в первую очередь — ужас смерти, горечь поражения, национальное унижение. И словно в насмешку над всей Францией в Версале, в сердце французской государственности, 18 января 1871 года будет провозглашена Германская империя. Отто фон Бисмарк, этот железный человек, несгибаемый канцлер, добился своего.

Отнюдь не мудрено, что ближайшие сорок лет французы будут относиться ко всему немецкому очень... настороженно и готовиться к новой войне. «Анри Бергсон говорит, что, когда 4 августа 1914 года он развернул газету и его взгляд упал на протянувшийся через всю газетную полосу заголовок: “Германия объявляет войну Франции”», «Как все, кто в детстве пережил Франко-Прусскую войну 1870–1871 годов, последующие 12–15 лет он прожил с мыслью о неизбежности Новой войны, а в дальнейшем жил со сложным чувством вероятности и невозможности этой войны»³. Таких свидетельств можно было бы найти сотни, если не тысячи, и в целом они очень хорошо описывают настроения французов, отныне жаждущих отмщения, реванша⁴. Все немецкое будет отныне казаться подозрительным, «германское» варварство (в том числе и «интеллектуальное») будет противопоставляться просто по факту своего происхождения французской («латинской») культуре. Та же судьба постигнет и нарождающийся психоанализ, и молодой Фрейд во время стажировки в Париже будет слушать знаменитого невролога Жюль де ла Туретта, который расскажет, как именно они, французы, жестоко отомстят Германии. В ответ Фрейд лишь скромно заметит, что он еврей, а не немец или австриец.

³ Элленбергер Г. Ф. Открытие бессознательного, часть II, с. 493.

⁴ Стоит отметить, что сами пруссаки в 1870 году испытывали такие же чувства, что и французы, ведь полвека назад, в 1806–1807 годах, войска Наполеона нанесли несколько унижительных поражений Пруссии. Как и в любой подобной ситуации, каждая сторона имела свою собственную историю поражений и «ущемленной гордости», которая должна была теоретически оправдать новую войну.

И тем не менее, медленно, очень постепенно психоанализ все же проникал во Францию. Преимущественно это проникновение происходило через искусство и литературу: в начале века возникло мощное движение сюрреалистов, которое провозглашало ценность интуитивного и бессознательного искусства; психоанализом заинтересовались не только художники и поэты, но и некоторые философы. Только психиатрия все еще сопротивлялась «вторжению» теории Фрейда, но не устоял этот бастион. Одним из представителей первой волны французских аналитиков, сделавших больше для популяризации, чем для развития психоанализа, был, как ни странно, военный врач Анжело Луи Мария Эснар (Angélo Louis Marie Hesnard), который родился в Понтиви в Морбиане 22 мая 1886 года (на северо-западе Франции). Оба его родителя работали в суде. Также у него был брат Освальд (Oswald, 1877–1936), изучавший немецкий язык, что в будущем очень пригодилось исследователю и первопроходцу психоанализа.

Эснар сперва учился у себя на родине в Понтиви, но в октябре 1905 года отправился в Бордо, чтобы поступить в Школу военно-морской и колониальной службы здравоохранения (ныне Школа службы здравоохранения армии, *École du service de santé des armées de Bordeaux*). Молодой человек поступил четвертым по оценкам на вступительных экзаменах. Таким образом, его карьера и будущее во многом были predeterminedены, и он надел форму офицера.

Его учителями в Бордо стали выдающиеся французские неврологи и психиатры: Альберт Питрес (Albert Pitres) и Эммануэль Режи́с (Emmanuel Régis, 1855–1918). Режи́с был одним из наиболее влиятельных психиатров своего времени, а его работы до сего дня не утратили известную актуальность. Под его руководством Эснар в 1909 году написал диссертацию «Расстройство личности при психической астении» (*Les Troubles de la personnalité dans les états d'asthénie psychique*)⁵, где едва ли не впервые во Франции можно обнаружить отсылки к психоанализу. В своей работе

⁵ Астения — болезненное состояние, проявляющееся повышенной утомляемостью с крайней неустойчивостью настроения, ослаблением самообладания, нетерпеливостью, неусидчивостью, нарушением сна, утратой способности к длительному умственному и физическому напряжению, непереносимостью громких звуков, яркого света, резких запахов.

Эснар демонстрировал, что психическая астения — это первый этап деперсонализации, главным следствием которой становится стирание текущей личности и высвобождение некоторых автономных комплексов поведения и мышления⁶.

Эснар окончил с отличием учебу в Бордо 5 июля 1908 года, блестяще защитил свою работу и даже получил за нее несколько наград, после чего ему, как отличнику, предоставили право выбора места службы — он выбрал колониальный флот. Отправился в Тулон (крупнейшую военно-морскую базу Франции), а затем, с 1910 по 1912 год, нес службу на крейсере «Адмирал Шарнер»⁷, который охранял Ближневосточные владения Франции.

Эснар на службе проявил свои лучшие качества — активность, трудолюбие, живой интерес к окружающему миру. Где бы ни был: на Крите, в Египте, в Сирии, в Греции или Турции — во время остановок он посещал местные достопримечательности, много общался с коллегами, стараясь понять специфику колониальной медицинской помощи. Все это время он продолжал активно переписываться со своим наставником, заочно готовил к публикации несколько статей. Его командир Теофил Альберт Аллер (Théophile Albert Allaire) так описывал своего офицера: «Превосходный врач, высокообразованный и очень преданный своему делу, выполняющий свои обязанности с величайшим рвением и безупречным тактом»⁸.

После двух лет службы Эснар отправился в Бордо, в местную больницу душевных болезней, где снова воссоединился со своим наставником Режиом. Вскоре после этого, в январе 1912 года, Фрейд получил письмо от Эснара, в котором тот извинялся от имени французской психиатрии за пренебрежение психоанализом⁹.

Кроме психоанализа, Эснар активно занимался проблемой шизофрении по Брейлеру¹⁰, а также военной психиатрией. Так,

⁶ Turbiaux M. Un psychiatre-psychanalyste à l'ombre des épées. I. Angélo Hesnard, p. 554.

⁷ Судьба этого корабля драматична: крейсер активно участвовал в Первой мировой войне и затонул, торпедированный немецкой подводной лодкой в 1916 году. Из всего экипажа выжил только один моряк.

⁸ Turbiaux M. Un psychiatre-psychanalyste à l'ombre des épées. I. Angélo Hesnard, p. 555.

⁹ International dictionary of psychoanalysis, p. 741.

¹⁰ См. детальнее главу об Анри Эе.

в частности, он анализировал нервные расстройства и психические последствия военно-морских катастроф¹¹ — взрывов броненосца «Йена» (12 марта 1907 года) и броненосца «Либертэ» (25 сентября 1911 года). «Йен» был довольно старым кораблем, который, находясь на ремонте в сухом доке, взорвался (по главной версии, из-за нарушений хранения боеприпасов), унеся с собой жизни ста семнадцати моряков и нескольких гражданских; «Либертэ» был одним из самых новых кораблей флота, к моменту гибели не успев прослужить и четырех лет. Трагедия унесла жизни более чем двухсот пятидесяти моряков и оставила примерно двести раненых.

В следующем, 1913 году во Франции на свет появилась первая работа, посвященная психоанализу, которая была написана Режисом и Эснаром («Учение Фрейда и его школа», *La doctrine de Freud et de son école*) и издана в журнале *L'Encéphale* («Головной мозг»). Еще через год, в мае 1914-го, незадолго до начала мировой войны, вышло более обстоятельное исследование фрейдовского метода — «Психоанализ неврозов и психозов» (*La Psychanalyse des nevroses et des psychoses*).

Эта книга — первая попытка прервать неловкое молчание касательно психоанализа во Франции, и она оказалась довольно успешной, хотя и рискованной. В момент, когда все немецкое вызывало как минимум недоверие и скепсис, авторы стали в некотором смысле апологетами Фрейда. Они, первые среди французских психиатров, проявили «беспристрастную независимость по отношению к зарубежным странам»¹², и в частности к психоанализу, который сочли очень полезными для французской психиатрии.

О работе Эснара и Режиса упоминал сам Фрейд в труде «Очерк истории психоанализа»: «Режис и Эснар совсем недавно попытались рассеять предубеждения своих соотечественников против нового учения, дав подробное и точное его изложение и только высказав некоторое сомнение в вопросе о символике. В самом Париже, кажется, еще господствует убеждение, которое так красноречиво излагал Жане на Лондонском конгрессе 1913 года, что все, что в психоанализе верного, повторяет с небольшими

¹¹ Turbiaux M. Un psychiatre-psychanalyste à l'ombre des épées. I. Angélo Hesnard, p. 556.

¹² Сайт, посвященный Анри Эю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ey.asso.fr/regis-hesnard.htm> (дата обращения: 25.12.2020).

изменениями взгляды [самого. — Д. Л.] Жане»¹³. Этот текст также высоко ценил близкий друг и коллега Фрейда, Шандор Ференци. История этой работы будет иметь длительное продолжение — на протяжении двух десятилетий она окажется едва ли не единственным сочинением по психоанализу и выдержит несколько переизданий в 1922 и 1929 годах. Примечательны еще два момента: эта книга появилась на свет благодаря помощи брата Эснара, Освальда, который помогал ему с переводами с немецкого; также интересно высказывание Эснара в третьем издании, что лишь за десятилетний период изучения теории и пятилетний опыт практики ему удалось заменить прежние спорные представления другими¹⁴.

Военные годы Эснар провел частично на берегу Атлантического океана, где была одна из баз военно-морского флота. Там же, по-видимому в сентябре 1915 года, он женился на Генриетте Алин Вимонт. В 1917 году был переведен в Тунис. Некоторое время в качестве военного медика он сопровождал транспортные и госпитальные суда от Адриатики до Северного моря¹⁵.

После окончания войны, в 1919–1925 годах, он начал преподавательскую деятельность в чине профессора в своей альма-матер, в Школе военно-морской и колониальной службы здравоохранения. Одновременно с этим он преподавал в медицинской школе в Бордо. В это время его интерес к психоанализу не угас, Эснар стал одним из наиболее активных пропагандистов науки о бессознательном во Франции.

Так, например, в августе 1923 года он выступил на конгрессе франкоязычных психиатров и неврологов в Безансоне с темой «Психоанализ: этиологическое, методологическое значение, терапевтическое и психиатрическое учение» (*La Psychanalyse: Valeur étiologique, methodologique, therapeutique et psychiatrique de la doctrine*). Эснар говорил: «Психоанализ, свободный от терминологических ошибок, теоретических преувеличений, присоединившийся

¹³ Фрейд З. К истории психоаналитического движения [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://freudproject.ru/?p=1136> (дата обращения: 25.12.2020).

¹⁴ Энциклопедия глубинной психологии. Т. II, с. 604.

¹⁵ Сайт семьи Эснар [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://bernard.hesnard.free.fr/Hesnard/Angelo/aHesnard30.html> (дата обращения: 25.12.2020).

к психиатрии, — это все еще громоздкий, но весьма ценный метод и доктрина, которая имеет неоспоримое право на наши симпатии как ученых, так и граждан Франции»¹⁶. Другой пример активной деятельности Эснара — привлечение на свою сторону молодых психиатров вроде Рене Лафорга (Rene Laforgue)¹⁷, с которым они, в числе прочих, основали группу «Психиатрическая эволюция» — сообщество молодых психиатров, стремившихся к реформам в психиатрии. Эснару было относительно легко завоевывать аудиторию: «К своему таланту писателя, признанному в университетах и даже в крупной прессе, Эснар добавляет умение разговорчивого лектора и оратора с легкой и грамотной речью»¹⁸.

Вскоре после этого, летом 1925 года, он по делам службы отправился на Дальний Восток, в порт Сайгон, и по пути делал небольшие заметки и зарисовки. Так, например, он описывает свой день, 11 августа, 1925 года: «Часть дня была посвящена подготовке похорон несчастного квартирмейстера, который на днях упал в воду. Его распухшее и отвратительное тело было найдено недалеко от пристани Мессежери. Я отправил его в портовый лазарет, а затем в госпиталь. Днем у меня хорошая работа — провести его вскрытие. Фильм ужасов! Потом возвращаюсь на борт: справки, бумаги, телефонные звонки... уф!..»¹⁹. Да, нелегка служба военного врача, однако Эснар с ней справлялся!

Через полгода он вернулся в Европу и сразу же начал выступать на конференциях: сперва в Женеве среди швейцарских психиатров, затем на Конференции франкоязычных психоаналитиков. Примерно в это же время он, вероятно, начал собственную практику, что примечательно, наотрез отказавшись от прохождения дидактического анализа. Так, постепенно, преодолевая сопротивление психоанализу и сопротивление «германизму», Эснар стал одним из главных лиц французского психоанализа, и в ноябре 1926 года

¹⁶ International dictionary of psychoanalysis, p. 742.

¹⁷ Лафорг станет на время вообще любимцем Фрейда, благословившего его на создание французского объединения.

¹⁸ Сайт семьи Эснар [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://bernard.hesnard.free.fr/Hesnard/Angelo/aHesnard30.html> (дата обращения: 25.12.2020).

¹⁹ Сайт семьи Эснар [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://bernard.hesnard.free.fr/Hesnard/Angelo/VSaigon7.html> (дата обращения: 25.12.2020).

он участвовал в создании Парижского психоаналитического общества (ППО) (*Societe Psychanalytique de Paris, SPP*), которое возглавлял дважды — в 1928 и 1930 годах, а в 1927 году стал одним из учредителей *Revue francaise de psychanalyse* — «Французского журнала психоанализа», самого авторитетного и долгое время единственного печатного издания, где могли бы публиковаться статьи и переводы психоаналитической тематики. О том, как «много» психоаналитиков было во Франции, свидетельствует письмо Лафорга Фрейду от 30 января 1926 года, в котором он перечисляет имена десяти человек, участников парижской группы, — Сокольницка, Лафорг, Пишон, Алленди, Паршеминье, Борель, Эснар, Левенштейн, а также швейцарцы Р. де Соссюр и Шарль Одьё²⁰.

Впрочем, наличие собственного печатного органа еще не означало полностью решение проблемы с переводами и изданиями Фрейда на французском. У французских аналитиков все еще не сложилось внятной традиции перевода фрейдовской терминологии, а, как известно, именно особенности перевода существенно влияют на понимание тех или иных концепций. Самый простой пример такого рода — это отличие, которое мы обнаруживаем между терминами «влечение» и «инстинкт». Эснар стал одним из участников лингвистической комиссии, которая должна была раз и навсегда решить проблемы с фрейдовскими переводами и психоаналитическим словарем в целом.

Французский психоанализ 20–30-х годов состоял преимущественно из двух больших «групп»: условно «ортодоксов» вроде Мари Бонапарт, о которой речь пойдет далее, и «галлов», французских теоретиков, принимающих общие идеи Фрейда, но отрицающих некоторые частные моменты его теории, скажем, пресловутую «инфантильную сексуальность» или примат эдипова комплекса. Главной задачей «галлов» было преобразовать строгий немецкий дух психоанализа («варварский»), латинизировать его. Большинство представителей последующих поколений (самый яркий из которых — Лакан) в той или иной мере пошли этим же путем.

Эснар не стеснялся своих взглядов на психоанализ. Так, например, 23 января 1932 года в письме к своему анализанту Бернару Грассе (*Bernard Grasset*), крупному французскому книгоиздателю,

²⁰ Энциклопедия глубинной психологии. Т. II, с. 599.

он заявлял: «Забудьте всю эту яркость, грандиозность, все эти Эдипы. Вы, как тонкий и чудесный интуитивный галл, не позволяйте себя вводить в заблуждение далее этим иудео-германским очарованием»²¹. Специфика первых лет психоанализа во Франции была в том, что многие из числа первых аналитиков обучались анализу собственно уже во время практики, периодически освещая ход своей работы, посещая Фрейда или кого-то из его ближайших коллег.

Фрейд с опаской относился к некоторым молодым французам. Например, к Пишону и Эснару сложилось определенное недоверие, поскольку, по мнению Фрейда, они были слишком склонны к компромиссам с медиками и маргинальными группами^{22, 23}.

Одновременно с активной психоаналитической деятельностью продолжалась и деятельность Эснара в качестве военного врача. Он занимал несколько важных постов по управлению военно-морской медицинской службой в Алжире и Африке. В круг научных интересов Эснара также входила психиатрия и нейропсихиатрия, психология и психиатрия военных неврозов и травм, психология преступности.

С началом войны Эснар оказался в Тунисе, в Бизерте, где стал свидетелем капитуляции Франции, прихода к власти правительства Виши, вступившего в союз с нацистами, из-за чего случилось множество больших и маленьких, но одинаково непоправимых катастроф. Так, например, вице-адмирал Эдмонд Даррьен, командующий отрядом кораблей в Тунисе, в декабре 1942 года получил сразу два приказа: открыть огонь по войскам союзников, высаживающихся на побережье, а затем передать свой небольшой флот в руки местных немецких войск и вывести свои части из Туниса. Так и не открыв огонь по войскам союзников, он, опасаясь

²¹ Цит. по: International dictionary of psychoanalysis, p. 742.

²² Энциклопедия глубинной психологии. Т. II, с. 598.

²³ В статье Робера и Ильзе Баранд в «Энциклопедии» сказано: «У последователей Фрейда вызывали недоумение приверженность Э. Пишона идеям Шарля Маурра и его связи с правоэкстремистским расистским движением Action Française» (с. 598). Позволим возразить: Action Française действительно было (и остается) правоконсервативным объединением, однако приписываемый им «экстремизм» проявляла лишь наиболее радикальная часть этой наиболее старой среди существующих в Европе националистических организаций. Кроме того, Action Française не проявляла системного антисемитизма, опираясь на идеалы политической французской нации.

агрессии против своих солдат со стороны нацистов, передал немцам три старые подводные лодки и три торпедных катера (нацисты так и не воспользовались ими до конца войны). После войны офицера судили и приговорили к пожизненному сроку; из-за того, что подсудимый фактически ослеп, ему в 1946 году временно дали отсрочку от приговора, однако спустя несколько дней он скончался. За него заступилось множество офицеров, в частности Эснар, который писал: «Во время этого трагического кризиса совести, который переживал адмирал, я мог только подтвердить наличие в нем чувства, которое я знал очень давно: француз с чистейшим французским нравом... сентиментально привязанный к родной стране и, следовательно, к своей великой родине, не любящий англичан, но испытывающий упорную ненависть к Германии. Однако и прежде всего честная и верная душа, пренебрегающая своими сокровенными личными стремлениями и ставящая превыше всего: дисциплину, слепое подчинение Отечеству и т. д.»²⁴.

Самому Эснару, оставшемуся на службе, тоже пришлось выдерживать целый шквал критики. Во время пребывания в Африке он работал над статьей «Иудаизм Фрейда» (*Sur l'israélisme de Freud*), призванной показать, что психоанализ мало связан с «еврейской» культурой и представляется независимой дисциплиной. Опубликована статья в 1946 году. Послевоенная общественность, конечно, нападала из-за нее на Эснара.

Сам же военный врач в условиях, мягко говоря, «боевых» не теряет бодрости духа и вместе с немногочисленными оставшимися коллегами организует и поддерживает медицинскую службу в Бизерте, под бомбардировками союзников (так, только 17 апреля 1943 года, к полудню на территорию больницы упало 17 взрывных бомб, чудом не повредивших здания²⁵), в условиях информационного вакуума, без медикаментов и денег, в политическом хаосе и регулярных вспышках эпидемий.

Впрочем, после войны не только Эснар, но и Лафорг, сотрудничавший с коллаборационистами, попал в немилость, и члены

²⁴ Свидетельские показания Анжело Эснара по делу адмирала Дарьяна [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://archive.wikiwix.com/cache/index2.php?url=http%3A%2F%2Fbernard.hesnard.free.fr%2FHesnard%2FAngelo%2FDerrien.html> (дата обращения: 23.12.2020).

²⁵ *Turbiaux M. Un psychiatre-psychanalyste à l'ombre des épées. I. Angélo Hesnard, p. 564.*

Международной психоаналитической ассоциации (МПА) ему это еще припомнят, равно как и неортодоксальную позицию, ведь, переехав в 1949 году в Тулон, он продолжил свою частную практику, но в свойственной ему нестрогой манере. Именно поэтому спустя четыре года во время событий первого раскола 1953 года он поддержал Жака Лакана. Этот раскол стал следствием конфликта между условно «либеральной» частью аналитиков во главе с Д. Лагашем и Ж. Лаканом и ее «консервативной» партией, возглавляемой С. Наштом²⁶.

В 1959 году Эснар так и не обрел славу «лаканиста», но стал президентом Французского психоаналитического общества. Это не помешало участникам МПА в 1961 году отказать Эснару и Лафоргу в признании. Когда в 1963 году произошел новый раскол в среде французских аналитиков, Эснар вновь последовал за Лаканом в созданную им «Парижскую школу Фрейда» (*Ecole freudienne de Paris*).

В 1961 году Эснар закончил работу над книгой «Фобии и фобические неврозы» (*Les Phobies et la Nevrose phobique*); всего он стал автором десятка книг и более чем сотни статей по психоанализу, психологии, психиатрии и медицине. Более всего Эснара занимала тема истории психоанализа и его развития, причем как во Франции, так и в мире. Интересны его тексты «От Фрейда к Лакану», а также «Психология преступления», написанная в 1961-м, но изданная в 1968 году.

В 1964 году по семейным обстоятельствам он покинул Тулон, чтобы обосноваться в Нанте, недалеко от места, где родился. Там же он и умер 17 апреля 1969 года, войдя в историю французского психоанализа под шутивным прозвищем «адмирал», но тем не менее оставаясь представителем «героического» поколения, на долю которого выпала честь нести знамя психоанализа сквозь бушующий шквал критики и пламени войны.

Однако нужно понимать, что даже героизм первопроходцев и их стремление познакомить французов с Фрейдом не позволили бы добиться и половины результата, если бы не участие Мари Бонапарт, чья помощь и поддержка в формировании психоаналитического общества в свое время стала незаменимой.

²⁶ Более детально о причинах, ходе и следствии расколов в 1953 и 1963 годах читатель сможет узнать в главах, посвященных отдельным действующим лицам этого противостояния.

История жизни этой женщины вообще может легко сойти за пьесу и роман. В этом произведении главная героиня была бы сильной и волевой, она жила бы в сложное время, когда одна эпоха приходила на смену другой, ее окружали бы самые интересные личности прошлого, и всюду, где она оказывалась, она оставалась бы в центре внимания. И, конечно же, в этой книге была бы загадка. О которой мы еще успеем сказать несколько слов далее.

* * *

Мари Бонапарт (Marie Bonaparte) родилась 2 июля 1882 года в Сен-Клу и своей звучной фамилией обязана прадеду — Люсьену Бонапарту (брату императора Наполеона). Впрочем, она была наследницей не только известной фамилии, но и солидного состояния, которое досталось ей от деда по матери, Эдмона Бланка (Edmond Blanc), крупного предпринимателя, отстроившего Монте-Карло и умершего в 1877 году.

Родителями Мари, или, как ее ласково называли дома, Мими, были Ролан Наполеон Бонапарт, принц Канино и Мусиньяно (1858–1924), выдающийся ученый-антрополог и географ, и принцесса Мари-Феликс Бонапарт (урожденная Мари-Феликс Блан). Супруги прожили вместе всего два года после свадьбы в 1880 году. Спустя месяц после рождения дочери мать Марии умерла от эмболии.

Сложно сказать, как именно на это повлияла столь ранняя смерть матери, но факт остается фактом — главная роль в воспитании дочери теперь принадлежала отцу, но в силу своих занятий он не мог уделить достаточно времени ребенку, проводя много часов в научных дебатах и экспедициях. Мари больше общалась с наставниками и прислугой. Девушка любила читать, интересовалась наукой и искусством; в своих дневниках она красочно описывала перипетии своей жизни, проводя некое подобие «самоанализа» (насколько он возможен в столь ранние годы). Но так же рано, как и ее таланты, проявилась и другая часть ее личности, с которой она должна будет бороться на протяжении всей своей жизни: фобии, невротичность, ипохондрия, рано увиденные сексуальные сцены, одержимость которыми станет навязчиво преследовать ее до конца жизни.

В возрасте двадцати пяти лет, в 1907 году, Мари вышла замуж на графа Георга Корфского (сына русской княгини Ольги

Константиновны и греческого короля Георга Первого), после чего стала именоваться принцессой Греческой и Датской. Разумеется, брак был спланирован родителями пары, но молодые все равно были довольно близки, правда, явно не так, как бы этого хотелось ему и ей.

Супруга Мари связывали очень теплые чувства с дядей Вальдемаром, адмиралом флота, и во время визита молодой пары к нему в гости Мари больше времени проводила в компании старшего родственника своего мужа (окружающим было сложно не заметить их интерес друг к другу, в то время как ее супруг относился к происходящему флирту равнодушно). Такое же равнодушие Георг выказал во время бурного романа своей жены с принцем Оге, графом Русенборгским (сыном Вальдемара Датского). Как станет понятно спустя время, ее супруг был склонен к гомосексуальности, что, конечно же, также нанесло удар по принцессе.

Это обстоятельство, вероятно, подтолкнуло принцессу искать другие способы удовлетворения собственных потребностей, хотя бурные романы не помешали Мари стать матерью: первый раз в 1908 году, когда на свет появился Питер (1908–1980), и второй раз в 1910 году, когда родилась ее дочь Евгения (1910–1989). Вскоре после рождения дочери Мари, жившая преимущественно во Франции (в то время как ее супруг часто ездил по Европе и подолгу оставался в Греции, где выполнял возложенные на него королевские обязанности), вступила в длительную связь с французским политиком, премьер-министром Аристидом Брианом. Этот роман продлился более шести лет, даже несмотря на политические сложности, к которым он мог привести во время мировой войны.

Но несмотря на обилие романов и любовных связей, принцесса Бонапарт страдала от фригидности, не получая оргазма во время секса (но достигая его во время мастурбации). Именно этот симптом заставил ее заниматься исследованиями женской сексуальности, поначалу не приносящими особенной пользы²⁷, если не сказать большего, пока ее внимание не привлек психоанализ.

²⁷ В это время Бонапарт делает следующее предположение: возможность получить оргазм у женщины зависит от расстояния между влагалищем и клитором. Для того чтобы доказать истинность своей гипотезы, она будет исследовать несколько сотен женщин, и в конце концов, даже после анализа у Фрейда, не откажется от идеи экспериментально подтвердить свою теорию. Она перенесла несколько операций на своих гениталиях, но ей так и не удалось добиться желаемого результата с помощью хирургии.

В 1923 году один из ее «хороших знакомых», Гюстав Лебон, посоветовал ей прочесть лекции Фрейда по введению в психоанализ. Тексты основателя психоанализа произвели на нее глубокое впечатление. В ноябре принцесса познакомилась с психиатром Рене Лафоргом, который читал Фрейда начиная с 1913 года и был лично знаком с венским мэтром. Именно он первый посвятил ее в таинства психоанализа.

В 1924 году умер отец Мари, Бонапарт снова переживала приступ тяжелой ипохондрии и просила Лафорга уговорить Фрейда взять ее в анализ. Никакие сомнения Фрейда не могли устоять перед напором этой женщины.

В этот же момент, осмысляя свои сексуальные и жизненные неудачи и трагедии, Бонапарт обратилась к художественной литературе (как уже делала прежде) и опубликовала сборник рассказов «Весна в моем саду» (*Le Printemps sur mon jardin*)²⁸.

Когда 30 сентября 1925 года²⁹ Мари попала, наконец, на прием к профессору Фрейду, который в разговоре с ней произнес свою знаменитую фразу: «Великим вопросом, на который никогда не было дано ответа и на который я все еще не могу ответить, несмотря на мое тридцатилетнее исследование женской души, является вопрос: “Чего хочет женщина?”»³⁰, она имела уже максимально общие представления о психоанализе. Конечно же, темпераментная женщина захочет большего. Так началась история отношений Фрейда и, вероятно, наиболее оригинальной его ученицы, чья жизнь может сама по себе послужить интересным клиническим случаем. Едва ли Бонапарт и сам Фрейд хотели бы полноценного раскрытия всех подробностей, однако некоторые выводы о характере этого анализа мы можем сделать. Мы постараемся оставить наши возможные интерпретации этого случая, предоставив читателю делать вывод самостоятельно.

Мари Бонапарт была очень заинтересована в анализе, но еще больше — во Фрейде, которого почитала гением и чей авторитет был для нее непререкаем. Возможно, именно эта авторитетность позволила Фрейду пробиться сквозь истерическое сопротивление

²⁸ International dictionary of psychoanalysis, p. 199.

²⁹ Там же.

³⁰ Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://royallib.com/book/dgons_ernest/gizn_i_tvoreniya_zigmunda_freyda.html (дата обращения: 23.12.2020).

и выявить бессознательное, сформированное в условиях строгого аристократического воспитания. Поначалу Фрейд сомневался в возможности анализа (сказывалась разница между сыном торговца и наследницей знаменитой европейской фамилии), но потом проникся глубоким уважением к женщине, посвятившей свою жизнь психоанализу (и лично ему, Фрейду?). Насколько Фрейд был проницательным аналитиком, настолько Бонапарт будет в будущем заботливой по отношению к нему. Впрочем, и сам Фрейд ценил Бонапарт и старался это всячески подчеркнуть. Например, ближайший круг коллег и друзей Фрейда, так называемый тайный комитет, созданный вскоре после ухода Юнга, имел отличительную черту — все его члены носили особые кольца, тем самым еще более напоминая настоящее тайное общество. За всю жизнь Фрейда чести носить сокровенное кольцо удостоилось всего несколько женщин: дочь Фрейда, жена Эрнста Джонса, Лу Саломе и, конечно, Мари Бонапарт.

Поскольку Мари не имела возможности постоянно жить в Вене, она часто навещала Фрейда, тем самым подтверждая эффективность практики «челночного» анализа, когда анализант посещает аналитика несколько недель подряд, а затем вновь отбывает к себе на родину. Анализ продлился вплоть до смерти Фрейда, а переписка принцессы Бонапарт и Фрейда стала ценным историческим источником.

Одним из результатов психоанализа с Фрейдом стало все более увеличивающееся число работ по психоанализу, выходящих из-под пера Бонапарт. Так, уже в 1927 году она издала большое эссе «О символизме трофеев головы» (*Du Symbolisme des trophées de tete*). Из заголовка ясно, что речь идет о проблеме понимания культа рогов, которые в этнографических толкованиях приобретают двойственное значение: с одной стороны, мужской силы, с другой — мужчины, который в своей силе уже обманут; так всемогущество может обернуться переживанием кастрации³¹. Пригодилось ли научное наследие ее отца во время написания этого исследования, нам неизвестно.

В двадцатых годах во Франции уже было несколько человек, заинтересованных в развитии психоанализа, и Мари Бонапарт стала своеобразной точкой притяжения для нарождающегося общества. Имея финансовые ресурсы, она издавала переводы

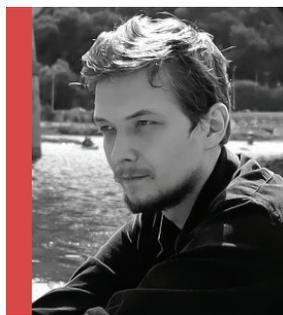
³¹ Бонапарт М. Символизм трофеев головы, с. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
МАРИ БОНАПАРТ И АНЖЕЛО ЭСНАР	9
САША НАШТ	29
РУДОЛЬФ ЛЕВЕНШТЕЙН	41
ДАНИЭЛЬ ЛАГАШ	49
РАЙМОН ДЕ СОССЮР	63
СЕРЖ ЛЕБОВИЧИ	73
ЖАК ЛАКАН: ОЧЕРК БИОГРАФИИ	88
КРАТКИЙ ОЧЕРК УЧЕНИЯ ЛАКАНА	111
СЕРЖ ЛЕКЛЕР	130
ВЛАДИМИР ГРАНОВ	147
ФРАНСУАЗА ДОЛЬТО	158
АНРИ ЭЙ	174
ДИДЬЕ АНЗЬЕ	188
АНДРЕ ГРИН	205
ЖАН ЛАПЛАНШ	223
ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ	243
ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ	259
ПОСЛЕСЛОВИЕ	262

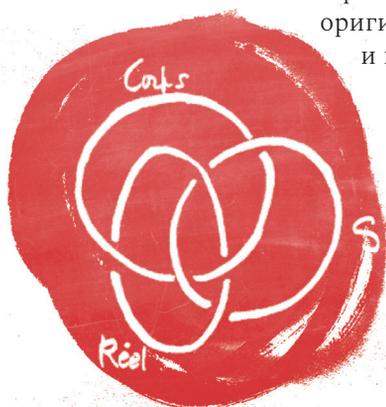
Дмитрий Витальевич Лобачёв — практикующий психолог, психоаналитик, преподаватель философии и психоанализа, руководитель Киевской психоаналитической ассоциации.

Занимается проблемами философии XX века, философией психиатрии, клиническими и теоретическими проблемами психоанализа З. Фрейда и Ж. Лакана, а также историей психоанализа.

Эта книга — первая попытка подробно рассказать на русском языке об истории французского психоанализа. В нее вошло пятнадцать биографических очерков о наиболее ярких и значимых деятелях французского психоанализа XX века. Часть представленных очерков по-настоящему уникальна, поскольку целостных жизнеописаний некоторых героев книги ранее не было как на русском, так и на французском и других европейских языках. Книга исправляет это упущение, предлагая читателю ознакомиться с историями жизни и творчества, теоретическими аспектами учений как «классиков», например Андре Грина, Жана Лапланша, Франсуазы Дольто, так и их менее известных коллег — Сержа Лебовичи, Раймона де Соссюра, Сержа Леклера и других. Отдельное внимание уделено фигуре Жака Лакана, главы о котором можно рассматривать в качестве своеобразного «введения»

в его творчество. Так как каждый из героев этой книги — оригинальный мыслитель с собственной судьбой и взглядами, особенно ценной становится возможность сравнить их между собой, отвечая на вопрос, что такое французский психоанализ. Издание может быть интересно как профессиональным психоаналитикам, психотерапевтам и психологам, так и тем, кто еще изучает психоанализ, философию культуры или просто интересуется этими науками.

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907358-26-3

СОЮЗ ОХРАНЫ
ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ